

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите:
Ибо таково о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)

ХРИСТИАНИН?

Россия наша, как кажется, православная. Большинство населения крещеное. И почти все крещеные с твердостью и несомненностью утверждают: «Я христианин/христианка!» Но давайте попытаемся разобраться, какой основной признак должен отличать христианина от прочих людей, помимо факта крещения.

Обратимся к Священному Писанию. Встречается ли это слово в Библии? Да, в 11-й главе Апостольских деяний говорится о том, что апостолы Варнава и Павел целый год проповедовали в Антиохии, «и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами».

Христианами стали называться ученики.

Кроме этого случая слово «христианин» встречается в Новом Завете еще два раза. А вот слово «ученик» – сотни. Слово «христианин» как бы уточняет слово «ученик», объясняет, что мы – ученики именно Христовы.

Значит, основной признак христианина – ученичество у Христа Спасителя.

Христу понадобилось три года очень близкого, непосредственного общения с апостолами, прежде чем наступил момент, когда Он сказал: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 15).

Апостол Павел, смеем думать, также три года учился у Христа. А именно: после своего обращения на пути в Дамаск, он отправляется в пустынную Аравию, где проводит уединенную молитвенную жизнь и получает некий мистический опыт, о котором впоследствии напишет так: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал. 1: 11-12).

Кстати, и минимальный курс духовного образования – духовное училище – длится также три года.

Конечно, три года – это только задаток, начало. Апостол Иоанн Богослов, составляя Евангелие позже прочих апостолов, на закате своей долгой жизни, не переставал считать себя учеником: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин. 21: 24). Ученик Христов – ученик до смерти. Смерть – выпускной.

Икона «Церковь Христова»

Но одно дело поступить в учебное заведение, а другое – закончить его с успехом. Некоторые бывают отчислены, некоторые бросают сами.

Вылетает тот, кто восстает на Учителя, прекословит – не от большого ума, а от большой гордости, вносит раздор среди прочих учеников. Это еретик, и это анафема. Такое бывает. Впрочем, не часто.

Чаще же из учеников Христовых уходят добровольно. Учиться, мол, надоело, лень, да и другие интересы появились. Такой человек да не мнит себя христианином. Можно бросить институт, прихватив

студенческий билет. Можно по этому билету даже ездить в электричках со скидкой. Однако это уже не больше, чем мелкое жульничество. Схожим образом ведет себя тот, кто перестал учиться у Христа. Не христианин он уже, по сути, хотя и крещен, хотя и в храм иногда заглядывает и свечи по подсвечникам расставляет.

Учиться необходимо многому: вере, любви, молитве, честности, терпению, воздержанию, состраданию, кротости, скромности и т.д. Мы, в конце концов, учимся умирать так, чтобы воскреснуть в жизнь вечную.

Как же оставаться прилежными, хорошими учениками всю жизнь?

Поскольку мы – ученики Христовы, к Нему и обратимся. А Учитель говорит нам: «Бодрствуйте!» Совсем как школьный преподаватель внушает раззевавшимся ребятам: «Не спите!»

Вновь и вновь звучит это отрезвляющее «Бодрствуйте!» в разных местах Нового Завета. Соответствующее

греческое слово означает не только «не спать», но и «быть бдительным, настороже, на страже».

Будем же бодрствовать и телом, и духом.

Будем настороже, внимательны. Будем переспрашивать, спрашивать себя вновь и вновь, как делают это старательные студенты перед экзаменом. Они сами себя экзаменуют, чтобы обнаружить пробелы и недостатки в знаниях. Не об этом ли говорит нам апостол Павел: «Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1 Кор. 11: 31)? Итак, не позволяем ли мы своему телу слишком много вкушать? Не потакаем ли его прихотям, похотям? Не слишком ли долго нежим поутру в постели? Не слишком ли себя жалеем и оправдываем? И т.д.

Будем трезвиться, бодрствовать и духом. Проэкзаменуем себя. Не поддаемся ли мы греховным помыслам? Или, возможно, мы и не заметили, как выстроили у себя в голове целую греховную стратегию. Не унываем ли? Может, охладели, очерствели? Не впали ли в бесстыдство или, напротив, не поддались ли ложному стыду? Стоим ли в вере? Не обленились ли духовно?

В связи с этим не лишним будет перечитать ободряющее стихотворение Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,

Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!
Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.
А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Да, и трудиться, и учиться душа обязана и день и ночь. Пусть религиозные убеждения поэта находятся под большим вопросом, нам, христианам, этот стих очень подходит. Это наш стих. Ведь как писал еще во II веке мученик Иустин Философ: «Всё, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам».

Царство Божие открыто не для лежебок, а для употребляющих усилия (см.: Мф. 11: 12). А работа спорится, когда работает коллектив, когда мы вместе, сообща стараемся, когда поддерживаем и подкрепляем друг друга, утешаем и вдохновляем, носим друг друга тяготы (см.: Гал. 6: 2). А это уже Церковь.

И у ног Учителя мы сидим не каждый по одиночке, а все вместе. Это тоже Церковь.

Будем же оставаться Церковью, учениками, христианами! Всем хороших оценок!

Священник Леонид Кудрячов

Пастырь добрый - «жестокий»

Какие разные все-таки у нас у всех представления...

Я, например, всегда считал, что жестоким священника можно называть, если он — человек холодный и равнодушный, если ему и дела нет до духовной или же материальной нужды обратившегося к нему. Или если он упивается своей властью, данной ему от Бога для созидания, и обращает ее на разрушение. Или... если он одобряет явную несправедливость, ту же жестокость.

Но вот всё чаще и чаще мне приходится сталкиваться с тем, что жестоким именуют пастыря, который не стесняется сказать человеку о его недостатках, нуждающихся в скорейшем исправлении, указывая ему вместе с тем на очевидную духовную связь между его грехами, допущенными им ошибками и теми жизненными неурядицами, на которые он хотел бы пожаловаться. При этом не имеет значения, говорит ли священник обо всех этих реалиях жизни духовной действительно жестко, обличающе или же мягко, кротко, с любовью. Раз говорит — значит, всё равно жесток!

Каждый раз, когда я слышу подобные отзывы, во мне всё больше и больше крепнет убеждение, что современный человек, в том числе и верующий, и даже церковный, не очень хорошо разбирается в том, кто же такой православный пастырь и зачем он вообще нужен. Нет, в том, что касается его литургического служения, неясностей

не так уж и много, а вот в отношении душепопечительской деятельности... Как же тут всё запутано!

Чего ждет человек от священника? Объяснения пути, ведущего ко спасению? Наставлений относительно жизни в Церкви? Советов по поводу различных непростых ситуаций в жизни «обычной»? Участия, тепла, утешения? Наверное, так... И это совершенно правильно, всё это священник людям «должен» — по самому роду служения своего. Но точно так же он имеет иной долг — говорить с людьми о том, о чем они порой его и не спрашивают, о чем они и слышать-то не хотят. Нет, разумеется, если пастыря человек вообще ни о чем не вопрошает, то ничего говорить и не надо: совет навязываемый, непрошенный редко бывает услышан, чаще производит нестроение, нежели приносит пользу. Но если человек пришел к священнику на исповедь, если он кается в своих грехах, открывает ему те или иные свои обстоятельства, ждет от него какого-то слова, то совершенно естественно, что тот постарается показать ему его «слабые места», которых он не замечает или не хочет замечать. Постарается объяснить, что в нем «плохо».

И, как ни странно, это в наше время нередко трактуется как пастырская не деликатность, отсутствие необходимой бережности или та же самая жестокость. Как же! Священник разрушил представление человека о себе самом как о безусловно хорошем! Он-то о себе вот как думал, а,

оказывается, всё этак! И как же жить дальше, когда ты не тот, за кого себя прежде принимал? Как с этим примириться, как преодолеть этот тяжелейший внутренний конфликт, этот кризис?

Чудно... Представим себе спортсмена, тренер которого каждый раз, когда он выступит неудачно, говорит ему:

— Ты не переживай! Это просто погода плохая была. И судьи пристрастные. И болельщики так кричали, что с толку тебя сбили. В следующий раз всё хорошо будет!

Вряд ли такой спортсмен преуспеет.

Или принципиально иной подход:

— При подготовке ты недоработывал, жалел себя, нарушал режим. Ты думал всё время о чем-то другом,

совершенно не сконцентрировался на тренировочном процессе, витал в каких-то облаках. Надо собраться, провести работу над ошибками, перестать во всем себе снисходить, тогда и результат будет другой.

Скорее всего, и правда — будет.

Почему расстраивается человек, слыша от священника «жестокое слово»? Не потому ли, что не понял он еще, что христианская жизнь — это постоянная, непрекращающаяся работа над собой? Что каждый, кто говорит нам о наших ошибках (особенно если это пастырь, знающий нас и к нам равнодушный), благоволит нам? Если мы правда хотим измениться, стать лучше, освободиться от того, что мешает нам на пути к Богу, не дает приблизиться к Нему, то разве указание на лежащие перед нами препятствия не благо для нас?

Особенно если мы об эти препятствия набили множество шишек и синяков, но так и не удосужились их разглядеть, не то что устранить.

...Другое дело, если чего-то много хочет человек, если в его представлении христианство — это возможность некоего «покойного и мирного» существования, если он не желает, чтобы его тревожили, трогали, вселяли в него то чувство, которое старец Паисий называл «доброй обеспокоенностью».

Что ж... Так бывает. Однако подобное понимание христианства верным никак не назовешь. И от пастыря доброго ожидать его вряд ли стоит. Если он и правда добрый, то именно поэтому обязательно будет... «жестоким».

Игумен Нектарий (Морозов)

Мы говорим одно, а делаем другое

Наталья Шевченко

Мы говорим одно, а делаем другое...
Играем в церковь, в христиан...
О, Боже! Что это такое?!
Дай нам увидеть наш самообман!

Нагруженные знаниями по уши,
Мы умных фраз набрались прозапас
И думаем, что Бога знаем лучше,
А Он стоит и ждёт в сторонке нас.

Он ждёт, когда в своих бегах суетных,
Мы вдруг поймём,
что Бога с нами нет!
Что в исполнении дел добрых,
важных, светлых,
Забыли про Того, Кто дал нам свет.

Он ждёт, когда мы вновь
весь мир оставим,
Весь пыл свой выдохнем
и в тишине замрём.
Когда мы вновь в Его глаза заглянем,
Когда мы вновь побудем с Ним вдвоём.
Мы слушаем, киваем, понимаем,
Но Слово исполнять мы не спешим...
Выходим в мир и тут же забываем,
Жемчужины теряя по пути.

В глазу другого сор мы замечаем,
На брёвна же свои и не глядим,
Поднявши руки, всех благословляем,
А помогать не думаем другим.

исповедаться, причаститься. А Степану, и вправду, непонятно было, зачем это всё нужно. Он, конечно, и боялся еще и не хотел кому-то рассказывать обо всех своих «чудодействиях», но главное, как ему казалось и как он сам себя убеждал, — это бессмысленность исповеди.

Тут он встретил знакомого по старой работе, разговорился «за жизнь», о рыбалке, потом на базар зашел, на почту, и постепенно другие дела отвлекли его от размышлений от исповеди, и он маленько успокоился.

Жена дома помалкивала, но видно было, что обижена и молчалива вроде как с немим укором.

«Да и ладно, пусть себе молчит, — подумал Степан. — Не впервой. Тише будет. Всё равно не пойду никуда, нет

И вот, мы волю Божью исполняем...
Верней, пытаемся исполнить без Него,
Мы лишь устами небо вопрошаем,
А сердце где-то очень далеко.

Святая Библия стоит себе на полке!
Стоит, пылится, а Господь зовёт:
«О, не обманывайтесь, ветренные люди!
Что сеет человек, то и пожнёт!»

Давайте же в свои сердца заглянем!
Весь пыл свой выдохнем...
И в тишине замрём...
Искать Христа давайте не устанем!
Давайте чаще находиться
с Ним вдвоём.

в этом смысле».

Так и не разговаривал с ней весь вечер. С тем и спать лег.

Ну и... отправился во сне на рыбалку. Вроде как какое-то озеро огромное, необыкновенной красоты. И он знает, что самый клев — на той стороне, и вроде как ему туда обязательно нужно добраться, и местечко там прикормленное, но переправиться почему-то не на чем. Кроме как на лодке у берега, но лодка ему незнакома. Но плыть надо, и он подошел к этой лодке и стал смотреть.

В лодке по щиколотку стояла вода. На дне даже в одном месте скопился ил или песок и поверх лежал темный палый лист, отчетливо видный через прозрачную воду.

В лодке

Рот не хотел ведь ругаться, а пришлось. Ну чего она лезет со своими советами: иди исповедуйся, иди исповедуйся...

Достала уже, честное слово! Как репей, прицепилась и не отстает... А чего каяться, спрашивается... Православные, что, лучше других что ли? Каются и опять грешат, каются и грешат... и так без конца. Смысл-то какой? — так думал рассерженно, шагая по улице и не видя ничего перед собой Степан — крещеный мужик, слесарь на пенсии и муж своей жены. Вот она-то его и достала своими уговорами пойти в храм и

«А лодка, стало быть, течет, – подумал Степан. – А может, дождем налило...»

Он заглянул под седушку и увидел старую консервную банку непонятно уже от чего, с крышкой, не до конца отрезанной и отогнутой вроде держака.

«Ага, – подумал Степан. – Может быть, ею и вычерпывал уже кто-нибудь воду».

Он посмотрел на противоположный берег озера. Там в свете солнечных лучей, внезапно пробившихся из-за туч, заиграла изумрудом, маня к себе, лесная зелень.

Степан опять посмотрел на палый лист на дне лодки, потом на банку в руке и подумал: «Начну грести, а если увижу, что сильно течет, – возвращусь назад. А если не сильно, то можно будет банкой помаленьку вычерпывать... Ну и всё».

Он решился. Забрался в лодку и стал вычерпывать воду. Вычерпал ее довольно быстро. Постоял, покачал слегка лодку и из стороны в сторону, и вверх-вниз, удостоверившись, что прореха в лодке не критическая. Воды вроде бы не прибавилось. Тогда он забросил в лодку рюкзак, удочки, толкнул лодку от берега, запрыгнул в нее и сразу сел на скамью. Какое-то время лодка, покачиваясь, отплывала от берега, неуправляемая, медленно забирая влево. Потом Степан поплевал на руки и взялся за весла.

Уключины поскрипывали, он греб размашисто, сидя спиной к тому берегу, куда плыл, и видел, как быстро удаляется от него тот берег, от которого он отчалил. Он всё поглядывал на высокую сосну, стоящую на холме, прямо перед ним, и старался, как ему казалось, грести прямо на восток от нее, то есть к противоположному берегу. Несколько минут Степан греб мощно и радостно, но потом стал уставать и вот, не вынимая весел из уключин, уложил их на борта и прислушался. Была тишина, только слышался легкий плеск волны о борта лодки и мерное поскрипывание каких-то ее частей.

«Эх, хорошо-то как!» – подумал Степан и не выдержал – оглянулся на берег, куда плыл. Но там как-то неожиданно всё потемнело, и с той стороны сплошной стеной приближался туман. Берега уже не было видно. «Эге, – подумал Степан, – вот те нате...» Он посмотрел вниз и увидел, что под поликом, сколоченным из реек, начинает скапливаться вода. Ее было еще немного, но стало понятно, что лодка всё же течет. Степан снова взялся за весла, стал грести, но прежней радости уже не было.

Прошло еще несколько минут, и вдруг как-то сразу завихрило, в спину подул холодный ветер, и лодку обступил туман, сначала клочковатый, неровный, так что временами пробивался передний видимый берег, но очень скоро и он пропал. Степан оказался в сплошном сумраке. Ветер усиливался, рвал и трепал лодку... волны запрыгали бестолково и всё болтали лодку, шлепались шумно в борта...

«Так, и что дальше, что дальше?.. – думал лихорадочно Степан, стараясь не нервничать. – Куда грести?..» Он что-то сильно разволновался. Неожиданно даже, так, что какую-то и дрожь почувствовал внутреннюю от беспокойства и неуверенности. Тем более что вода в лодке всё прибывала, и уже понятно было, что щель где-то приличная и надо с этим что-то делать.

Он снова уложил весла на борта и стал вычерпывать

воду консервной банкой. Между тем мрак сгустился, и ничего понять было уже невозможно, только какой-то вихрь и мелкий противный дождь, и волны всё более угрожающие, захлестывающие лодку... И тогда Степан, сам того не ожидая от себя, стал молиться. То есть он начал говорить молитву и тут же сам удивленно подумал: «О! Это я, что ли?» Вслушался и удостоверился, что так и есть – он самый.

– Ну и ладно, ну и буду молиться, а чего... – ответил он кому-то и продолжил: – Господи, помилуй! Господи, помоги!

Вскоре он уже повторял молитву непрестанно, яростно вычерпывая всё прибывающую и прибывающую воду.

– Господи, помоги! – повторял он безотчетно, понимая, что сам на себя попросту не может уже надеяться. И как-то так обидно показалось Степану, что он вот сейчас тут как дурак какой-нибудь утонет, и Нина, его жена, будет беспокоиться, искать его, плакать... и так вдруг ее жалко стало... А потом найдут его тело, и тоже всё это будет так глупо... какие-то люди будут вокруг стоять с хмурыми лицами. В белых резиновых перчатках, которые потом, после «работы», снимут и тут же выбросят. Будут смотреть, выяснять чего-то... Тьфу! Степану даже противно стало от таких мыслей, и он, рассердившись на себя, на стихию, на сумятицу всю эту, решительно взялся за весла и принялся грести снова, молясь, чувствуя, как срывает водянки на ладонях, но от этого только сильнее ополчаясь на разыгравшуюся стихию.

– Греб, греб давай! Не сдавайся! – подбадривал он сам себя, когда тело, дрожащее от усталости и бессилия, казалось, уже готово было отказаться от всего и принять любой исход. Вычерпывая воду, он чувствовал, как жар прибывает во всем теле, сердце бухает в груди и пот струится по лицу, несмотря на холодный ветер, а волосы прядями прилипают ко лбу. Но останавливаться было нельзя, и он всё вычерпывал и вычерпывал эту бесконечно прибывающую воду и, снова взявшись за весла, всё греб и греб, пока вода не доходила ему до щиколоток.

И вот в какой-то момент, когда уже казалось, что надежды на спасение нет и близка трагическая развязка, лодка въехала носом в береговой песок и остановилась.

Он испытал необыкновенную радость и облегчение и...

Проснулся в холодном поту с бешено бьющимся сердцем. Проснулся, секунду вообще не понимал, где он и что происходит, а потом отчетливо понял, что сейчас воскресенье, пять утра и в это время Нина собирается в храм. А еще он вспомнил, как вчера сказал ей в сердцах: «Гресишь и каешься, гресишь и каешься... Толку-то...»

Он еще немного полежал с открытыми глазами, потом сказал вслух:

– Ну да... гребешь и вычерпываешь, гребешь и вычерпываешь...

Рассмеялся и добавил:

– Ладно...

– Ты чего? – спросила жена спросонок.

– Чего-чего... Собирайся давай. На службу пойдём...

Священник Димитрий Шишкин

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ.

ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru